

Меня зовут Сюй Ань.

И сейчас наступает самый нелепый день за всю трехтысячную историю существования Секты Лазурного Облака.

Я стою в Зале Цинъюнь, а передо мной — Учитель и двенадцать старейшин. Лица у них сосредоточенные, словно перед решающей битвой с могущественным врагом. Снаружи огромный зал битком набит зевающими учениками, и все до единого смотрят на меня так, будто перед ними настоящий монстр.

Точнее говоря — смотрят на мой рот.

Потому что три дня назад я случайно стал Конфуцианским Мудрецом.

Святой конфуцианцев, первый за всю вечность.

Как это произошло? Звучит нелепо: в тот день я подметал полы в Павильоне Свитков и, наткнувшись на фразу «Услышав Путь поутру, можно умереть без сожалений», вдруг проникся ею. Я брякнул в сердцах: «Эта фраза неверная, должно быть так: "Услышав Путь поутру, примени его в тот же день"».

И тут с небес пролился золотой свет, из-под земли забили золотые лотосы, зазвучала бессмертная музыка, а с девяти небес спустился священный указ, состоящий всего из восьми иероглифов:

Рот озарился светом, одобрено, Святой.

Верно, всё было именно так опрометчиво.

В тот миг я проникся глубочайшим уважением к Небесному Пути — этот Небесный Владыка, кажется, тоже страдает изрядной долей легкомыслия.

Однако возникла проблема.

После того как я стал Святым, у меня появилась одна особенность: мои слова обретают форму закона. Причем срабатывает это пассивно. Я даже сам не могу себя контролировать.

Что это значит? А то, что стоит кому-то выругать меня, как Небесный Путь исполняет это ругательство как священный указ. Если кто-то шутит — Небесный Путь принимает шутку за чистую монету. А если я ляпну что-то во сне, на следующий день весь мир поплатится за это.

Сюй Ань.

Голос Учителя вернул меня в реальность. Старику в этом году исполнилось восемь лет со дня рождения, он находится на пике ступени Зарождающейся Души, обычно выглядит истинным небожителем, но сейчас его глаза покраснели, словно он три дня не сомкнул глаз.

Учитель. Я почтительно поклонился.

Не называй меня Учителем. Он отступил на шаг, и в его голосе звучала трагическая обреченность: Если ты снова назовешь меня Учителем, боюсь, завтра я сам стану твоим учеником.

Лишившись дара речи, я замолчал. И впрямь, ведь стоило мне однажды назвать его Учителем, как Небесный Путь тут же выдал всплывающее окно с подсказкой: «Обнаружено, что Святой обратился к Цин Юньцзы с уважительным титулом, рекомендуется повысить его уровень культивации до равного со Святым». Хотя я и отклонил это предупреждение в экстренном порядке, Учитель уже три дня подряд видит кошмары.

Сегодня мы позвали тебя, — Учитель глубоко вздохнул и извлек из рукава нефритовый свиток, — чтобы объявить одно решение секты.

Он развернул свиток и зачитал:

Сто тридцать первая тысяча двести первая сектантская директива Лазурного Облака: ученика Сюй Аня с сего дня лишить статуса члена секты и изгнать...

Громыхнуло!

Не успел он договорить, как с безоблачного неба сорвалась небесная молния и угодила прямо в нефритовый свиток.

Свиток мгновенно обратился в прах.

Следом за этим на небосводе проступила строка крупных золотых иероглифов:

Предупреждение: запрещено проявлять неуважение к Святому. Первое предупреждение — удар молнии, второе — уничтожение секты.

Во всем Зале Цинъюнь воцарилась такая тишина, что было слышно, как упадет иголка.

Учитель сжимал в руке остатки свитка, и его руки дрожали.

Видел? — он повернулся к стоящим позади старейшинам, и в его голосе послышались слезы. — Видел! Я изгоняю собственного ученика, а небеса хотят уничтожить мою секту! Что это за логика такая?!

Первый старейшина помолчал немного и произнес: Глава, укротите гнев, может быть... проведем голосование?

Какое еще голосование! У Небесного Пути право вето!

Стоя посреди залы, я тоже чувствовал себя неловко. Мне действительно хотелось подействовать их процедуре изгнания, но мой рот, казалось, жил своей собственной жизнью.

Учитель, — осторожно начал я, — может, вы переформулируете?

Какую еще формулировку?

Ну, например... не изгнание, а торжественные проводы? Не выдворение из секты, а заслуженный выпускной?

Глаза Учителя блеснули: Небесный Путь примет это?

Давайте попробуем.

Учитель заново достал нефритовый свиток, откашлялся и зачитал: Сто тридцать первая тысяча двести первая сектантская директива Лазурного Облака: ученик Сюй Ань успешно завершил обучение в нашей секте, и ныне ему присваивается звание отличника учебы, дабы проводить его на спуск с гор для приобретения жизненного опыта...

На этот раз молния не ударила.

Золотые иероглифы на небесном своде медленно растворились.

Старейшины во всем зале дружно выдохнули с облегчением.

Дочитав последнее слово, Учитель словно обессиленный рухнул обратно в кресло и рукавом утер пот со лба.

Получилось, — пробормотал он. — Наконец-то получилось.

Он посмотрел на меня сложным взглядом.

Сюй Ань, с сегодняшнего дня ты больше не ученик Секты Лазурного Облака.

Учитель...

Не называй меня Учителем. Он махнул рукой. — При встрече впредь обращай ко мне: собрат по Пути Цин Юнь.

Помолчав немного, я опустился на колени и земным поклоном трижды отдал дань уважения.

Эти три поклона — в знак благодарности Учителю за восемнадцать лет воспитания и наставничества.

Угла глаз Учителя слегка покраснели, губы шевельнулись, но он так и не произнес слова «не стоит» — боялся, что Небесный Путь сочтет это за проявление неблагодарности.

Иди, — он взмахнул рукой. — Переступишь этот порог — и птица вольна лететь, куда глаза глядят.

Я поднялся, развернулся и направился к выходу из зала.

Проходя мимо дверей, я заметил старшего соученика, второго соученика, третью соученицу, а также множество других товарищей по сектантскому искусству.

Старший соученик прижимал руку к подбородку — некогда там росла роскошная борода из трех прядей, а теперь не осталось ни единого волоска. Поскольку в день моего обретения святости он брякнул: «Если такой человек, как ты, станет Святым, у меня борода расти задом наперед будет», — его борода и вправду принялась расти задом наперед, прямо в плоть. Сбривал, а она все равно лезла внутрь. Сельский лекарь из Секты Лазурного Облака изрек, что с бородой на этом свете ему больше не видаться.

Второй соученик стоял в уголке, остекленевшим взором уставившись на дверной косяк перед собой. Он извинялся перед дверью. Из-за того, что он обозвал меня ничтожеством, которое и к порогу подойти не достойно, теперь каждый раз при прохождении через любую дверь он обязан отвешивать ей низкий поклон, иначе дверной косяк непременно зажмет ему затылок. В прошлом месяце его прищемили сорок семь раз.

Третьей соученице пришлось хуже всех. Заметив меня издали, она застыла в толпе, ее лицо мгновенно залилось краской, и она бросилась бежать.

Старшая соученица! — окликнул я ее.

Она припустила еще быстрее.

Я тяжело вздохнул. Третью соученицу звали Лю Руянь, она слыла первой красавицей Секты Лазурного Облака. В день моего вознесения она при всех заявила: Если Сюй Ань станет Святым, я назову его дедушкой.

Теперь ее больше всего на свете страшит мысль о том, что я вдруг случайно брошусь к ней со словами: «Старшая соученица, те слова ведь в счет не идут».

Стоит мне вымолвить это, как Небесный Путь тотчас же решит: идут.

Глядя на эти знакомые лица, я чувствовал, как душа полнится самыми разными словами, но произнести их вслух не смел.

Я боялся, что стоит мне раскрыть рот, как снова случится беда.

Поэтому я просто сложил руки в приветственном жесте и глубоко поклонился.

Товарищи по сектантству, Сюй Ань... прощайте.

Затем я повернулся и широким шагом вышел из Зала Цинъюнь.

Ослепительное солнце, бурный горный ветер.

Я стоял перед горными воротами Секты Лазурного Облака, оглядываясь на эту священную обитель, где прожил восемнадцать лет, и на душе у меня было скребущее кошки чувство.

И тут до меня донеслись раскатистые крики ликования, долетавшие из глубины ворот.

Ушел, ушел, ушел!

Наконец-то ушел!

Запускайте петарды! Быстрее запускайте петарды!

Передайте всем пикам, тревога отменена!

Следом за этим из-за ворот вылетела гирлянда петард и с треском разорвалась прямо у моих ног.

Горные ворота с грохотом захлопнулись.

На створках проступила строка крупных иероглифов — автоматический прощальный лозунг, сгенерированный защитной формацией:

«Счастливого пути брату Сюй Анью — все ученики Секты Лазурного Облака провожают его в слезах»

Четыре иероглифа «провожают в слезах» были выписаны крупнее корзины для зерна.

Я: (...)

Признаться, это ощущение, когда тебя изгоняют, а все вокруг палят петарды в честь твоего ухода, поистине удивительно.

Я развернулся: передо мной лежали каменные ступени, ведущие к подножию горы. Ровно восемнадцать тысяч ступеней.

Это значило, что моя новая жизнь начинается со спуска по лестнице.

Я глубоко вздохнул и сделал первый шаг.

И в этот момент в моем разуме внезапно раздался старческий голос.

Святой, помедли.

Я замер на ступени.

Кто здесь?

Старик, дух-хранитель горной формации Секты Лазурного Облака.

Я нахмурился. Дух-хранитель горной формации? Разве это не воля древней формации, просуществовавшей три тысячи лет? Говорили, что он давным-давно погрузился в глубокий сон...

Вы... проснулись?

Меня разбудил золотой свет твоего вознесения в Святые, — в голосе духа слышалось крайнее недовольство. — Старик спал восемьсот лет, а ты меня рывком поднял. Знаешь ли ты, как мучительна старческая бессонница?

Прошу прощения...

Не об этом речь, — оборвал меня дух. — Я окликнул тебя, чтобы кое о чем предупредить.

О чем же?

В день твоего становления Святым Небесный Путь оставил тебе напутствие помимо дара обретения формы закона.

Я остолбенел: Какое еще напутствие?

Дух умолк на мгновение, а затем медленно произнес:

Слова Святого исполняют мириады миров. Однако сказанное должно быть исполнено, а деяние — принести плоды. Нарушишь этот закон — и настигнет тебя кара Святого.

У меня сердце ухнуло в пятки: Что это значит?

А то, — тон духа сделался насмешливым, — что твои слова не просто сбудутся, их еще и обязательно нужно претворить в жизнь. Например, если ты бросил кому-то: «Возвращайся-ка ты душой в родные края», то эта душа обязана впрямь добраться до родины, и только тогда все закончится. Если же он до родных мест не доберется или душа его рассеется, Небесный Путь придет к тебе за расчетом.

Лицо у меня переменялось: А если я сказал что-то хорошее?

Хорошее? То же самое. Скажешь: «Желаю тебе прожить сто лет», — и этот человек обязан дотянуть аккуратно до сотни. Не хватит хотя бы дня — запишут нарушение договора.

(...)

Я внезапно осознал крайне серьезную проблему.

За эти восемнадцать лет я наговорил бесчисленное множество слов. И среди них было немало таких, что бросал разным людям в самых разных ситуациях просто так, не подумав.

Если, я говорю если, — с трудом выдавил я из себя, — вдруг я кому-то ляпнул: «Ты еще пожалеешь об этом»...

Значит, он непременно пожалеет, — безапелляционно заявил дух. — Небесный Путь устроит все наилучшим образом.

Лоб покрылся холодным потом.

А если я говорил: «Таких, как ты, рано или поздно молнией пришибет»...

То до того момента, как его пришибет, Небесный Путь от тебя не отстанет.

Мне стало дурно.

Я прожил на свете восемнадцать лет и частенько болтал лишнего, не следя за языком. И что же, теперь все эти слова превратились в список невыполненных поручений от Небесного Пути?!

Поэтому, старший дух, — я глубоко вздохнул, — вы рассказываете мне всё это, чтобы помочь?

Помочь? О нет, нет, нет, — хрипло и радостно рассмеялся дух. — Мой восьмисотлетний сон прервал твой сияющий золотой свет, с какой стати мне тебе помогать?

Тогда зачем вы...

Я пришел посмотреть, как ты будешь позориться.

(...)

К слову, поведаю тебе одну новость похуже, — понизил голос дух. — Тот человек, которому ты в былые годы в стенах секты адресовал больше всего слов, сейчас поджидает тебя у подножия горы.

Зрачки у меня сузились.

Кто?

Угадай.

Смех духа затих в глубинах разума и окончательно растворился.

Я стоял на каменных ступенях: горный ветер обдувал лицо, позади оставались плотно закрытые врата, а впереди вилась бесконечная дорога вниз.

У подножия горы смутно угадывалась какая-то фигура.

Я сглотнул слюну.

Кто же... кому я говорил больше всего слов за те годы?

Кто это?

И что именно я ему говорил?

Вспомнить не получалось.

Но почему-то в груди скребло самое дурное предчувствие.

<http://bllate.org/book/21206/2146447>